

Рушанин Владимир Яковлевич

доктор исторических наук, профессор,

Челябинский государственный
институт культуры (Челябинск, Россия)

E-mail: rushanin@chgaki.ru

Сокоиков Сергей Степанович

кандидат педагогических наук, доцент,

Челябинский государственный
институт культуры (Челябинск, Россия)

E-mail: sokovik49@mail.ru

**«ХАОС ОТНОШЕНИЙ, БУРИ СТРАСТЕЙ»:
ЛЮБОВЬ И БРАК В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

В настоящей статье рассматривается первая волна «сексуальной революции» в России в начале XX века: в эпоху модерна с его снятием многих моральных «табу» в кругах интеллигенции и молодежи воцарились очень свободные взгляды на отношения полов. Показаны кризис буржуазной морали и семьи, поиски новых моделей отношений между мужчинами и женщинами, отход от церкви. Рассматриваются любовные треугольники 1910–1930-х годов: Д. Мережковский — З. Гиппиус — Д. Философов; В. Маяковский — Л. Брик — О. Брик; С. Радлов — А. Радлова — К. Покровский. Доказывается, что увлечение эротикой было характерно для части культурной элиты. В советско-нэповской России неразбериха в вопросах быта и брака, фривольная свобода, распущенность нравов стали предметом острых дискуссий. Установлены попытки построить модель новой семьи, свободной от ревности, предрассудков прошлого. На основе анализа конкретно-исторических материалов представлены варианты развития перипетий таких этических экспериментов, приводящих к различным последствиям. Делается вывод о закономерности возникновения подобной противоречивой ситуации, обусловленной общими социокультурными контекстами этого исторического времени и вместе с тем охватывающей в первую очередь выдающихся представителей творческой интеллигенции.

Ключевые слова: брак, любовь, семья, мораль, супружеская верность, семейное законодательство, развод, интеллигенция, молодежь, русская культура, богема

Для цитирования: Рушанин, В. Я. «Хаос отношений, бури страстей»: любовь и брак в России в первой трети XX века / В. Я. Рушанин, С. С. Сокоиков // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 2 (86). — С. 98–114.

Rushanin Vladimir Ya.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: rushanin@chgaki.ru

Sokovikov Sergey S.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

Chelyabinsk State Institute of Culture
and Arts (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: sokovik49@mail.ru

**“Chaos of Relationships, Storms of Passion”: Love and Marriage
in Russia in the First Third of the 20th Century**

The given article considers the first wave of “sexual revolution” in Russia at the beginning of XX century: in times of modern with its expunging of many moral taboos in the circles of intelligentsia and young people very free views on sexual relationships prevailed. The authors show bourgeois morality and family crisis, searches for new models of relationships between men and women, departure from the church. The article considers love triangles of 1910-1930s: D. Merezhkovsky – Z. Gippius – D. Filosofov; V. Mayakovsky – L. Brik – O. Brik; S. Radlov – A. Radlova – K. Pokrovsky. The authors prove that passion for erotica characterized part of cultural elite. In the years of Soviet-NEP Russia there existed confusion over living conditions and marriage, frivolous freedom, rakishness became the issue of fierce disputes. Efforts to arrange a new family model without jealousy and prejudices of the past have been determined. Based on the analysis of certain historical materials the article presents various vicissitudes of development of such ethic experiments resulted in different consequences. In conclusion the article points out regularities of the situation determined by common socio-cultural contexts of this historical period together with outstanding representatives of its creative intelligentsia.

Keywords: marriage, love, family, morality, marriage bed, family law legislation, divorce, intelligentsia, youth, Russian culture, Bohemia

For citation: Rushanin V. Ya., Sokovikov S. S. 2026. “Chaos of Relationships, Storms of Passions”: Love and Marriage in Russia in the First Third of the 20th Century. *Vestnik kultury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. / V. Ya. Rushanin, S. S. Sokovikov // Herald of Culture and Arts. No. 2 (86): 98–114. (In Russ.).

В конце XIX века в России, как и в Европе в целом, наблюдался кризис традиционных ценностей семьи, поиски новых моделей отношений между мужчинами и женщинами, отход от норм традиционной морали, снижение авторитета церкви. В стране отмечались падение рождаемости, ослабление экономических связей между супругами, усиление самостоятельности женщин, рост проституции. Дихотомия «норма/аномалия» явственно наметилась в сфере сексуального поведения. Усиливался процесс отрицания прежних христианских

норм половых отношений [16]. Стремление к свободе в интимной сфере подталкивалось наступлением праздничной жизни (балы, маскарады, музыкальные и театральные увеселительные вечера) в городскую реальность [50, с. 508]. Наметился кризис семьи: хотя семья сохранялась, но чувственных наслаждений все чаще искали не в ней. Обострилось соперничество любви и брака как социальных институтов, формирующих интимный союз мужчины и женщины. В первом случае этот союз базировался на личностном сексуальном включении

(любовь), а во втором — преимущественно на законодательных актах, совместном хозяйстве и воспитании детей (брак) [22, с. 6].

Культура Серебряного века активно реагировала на проблемы семьи и пола. Об этом много писали философы (Н. А. Бердяев, Вл. С. Соловьев, С. Франк), литераторы (В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин). По мнению «философа любви и пола» В. В. Розанова, в результате женской эмансипации женщина все дальше уходит от роли, уготованной ей природой, здравым смыслом, историей и церковью. «Прежняя женщина считала высшей своей добродетелью быть верной женой своему мужу, хорошей матерью своих детей и заботливой хозяйкой своего дома. Все это потускнело в глазах женщины, сделалось даже смешным, мещанским, ретроградным, скучным и неинтересным» [45, 203]. В. В. Розанов считал, что брак постепенно становится продолжением холостых удовольствий, когда муж и жена принимают гостей отдельно. «Собственно — это начало распада, которое есть решительно почти во всякой семье; “друг дома”, с которым проводит досуг жена, или “вторая семья” у мужа есть только дальнейшее развитие этого “сами в гости”, “к себе гостей”, “скуки семейной”» [Там же, с. 234].

В работе «Метафизика пола и любви» Н. А. Бердяев рассуждал о роли женщины-музы в жизни творческой личности [8, с. 254]. Он считал, что это «половое влечение есть творческая энергия в человеке» [23, с. 190].

Литераторам, поэтам, художникам, артистам, музыкантам для их существования в эмоционально напряженной среде нужны постоянно сменяющиеся впечатления и раздражители. И нередко такими раздражителями становились все новые и новые половые партнеры. В результате в среде этих людей адюльтер, любовные треугольники возникали чаще, чем в обычных социальных группах [47, с. 679]. Этому способствовала специфичная атмосфера субкультуры «богеми», — само обсуждение прежде табуированных тем становилось не только позволительным, но и принятым в этих кругах и даже чуть ли не обязательным признаком «избранности».

О «проблемах пола» много говорили в начале XX в. в модном салоне — на петербургской квартире писателя и философа Дмитрия Мережковского и его жены поэтессы Зинаиды Гиппиус, собраниях на «Башне» Вячеслава Иванова, вечерами в пышном особняке графа Зубова и на представлениях легендарных аристократических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Самый известный литературно-аристократический салон столицы располагался в квартире Вячеслава Иванова (ул. Таврическая, 35). В огромном помещении на шестом этаже к полуночи собиралось до 40–60 человек. В 1906 году на «Башне» образовалось «общество Гафиза», где в интимном кругу без стеснения беседовали на самые интимные темы. «Вспоминаю беседу об Эросе¹, — писал Н. А. Бердяев. — Образовался настоящий симпозиум, и речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вячеслав Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый, и изящный профессор Ф. Ф. Зелинский, и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевоплощение античного Эроса, и один материалист, который ничего не признавал, кроме физиологических процессов» [18, с. 126]. По мнению Вячеслава Иванова, почти вся человеческая деятельность сводится к эросу, что эротика может заменить и этику, и эстетику. На «Башне» процветал утонченный эротизм во всех возможных традиционных и нетрадиционных формах. И хотя открытого разврата не было, но, по словам М. Сабашниковой (жены М. Волошина), дружные семейные пары встречались здесь редко и их даже «несколько презирали» [39, с. 238].

Тема «свободной любви» постепенно проникала и в более открытые публичные пространства, в чем нет ничего удивительного: в атмосфере Серебряного века творческая интеллигенция становилась своеобразным ориентиром в поисках чего-то нового, отвечавшего стремлению более широкой общечеловечности «не отстать от жизни». Так, осенью 1906 г. в петербургском Драматическом театре

¹ Любовь в греческой культуре выражалась концептом *‘érōs’* — Эрос, Эрот «плотская любовь, влечение и древнейший бог любви» [Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. С. 427.]

на Офицерской прошло представление «Гедды Габлер» по пьесе Г. Ибсена (режиссёр — В. Э. Мейерхольд, в роли Гедды — Вера Комиссаржевская). Спектакль вызвал бурные обсуждения. В драме Гедда и ассессор Брак обсуждают возможность создания треугольного союза: Гедда, ее муж и друг. Тема «любовного треугольника» стала чрезвычайно популярной [5, с. 352].

Эрос был неотделим от богемы, а свободная любовь — это неременная примета революционной атмосферы, охватившей Россию в начале XX века. В салоне Д. Мережковского и З. Гиппиус активно пропагандировалось сексуальное раскрепощение, которое называлось «крестом чувственности» [46, с. 76]. Фрейдистская эпоха с ее первостепенностью секса приводила к воспеванию «свободного сожительства свободных людей», появлению первой в истории страны волны «сексуальной революции» [33, с. 86]. В квартире Мережковского — Гиппиус на правах члена семьи пятнадцать лет прожил критик и публицист Д. Философов. Когда в этом известном салоне в 1915 году появилась молодая поэтическая звезда — двадцатилетний С. Есенин, то Зинаида Гиппиус представила ему сразу двух своих мужей: Дмитрия Сергеевича Мережковского и Дмитрия Владимировича Философова [42, с. 532]. Смутить поэта было трудно, к тому же молодежи и обществу эти модели взаимоотношений между мужчиной и женщиной подавались как «передовые».

В 1904–1907 годах в России трижды гастролировала знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан. Она демонстрировала не только хореографические новации «свободного танца», но и весьма свободные нравы в сфере личных отношений, олицетворяя собой образ «новой женщины». Дункан считала себя феминисткой и принципиально не выходила замуж, была любовницей целого ряда мужчин, имела двух незаконнорожденных детей. Она стала примером для многих российских молодых женщин, т. к. «ее своеобразный танец выражал их стремление к внутренней, социальной и экономической свободе» [21, с. 143]. Публику привлекал открыто эротический элемент в ее искусстве. «Почти полностью

обнаженное тело, изображение с помощью движений эротического экстаза, четко прослеживаемая связь между артистическим и сексуальным выражением идеи танца и личная жизнь Айседоры Дункан, тесно связанная с миром богемы — все это вместе взятое отражало то выдающееся место, которое сексуальная тематика занимала в изобразительных видах искусства России того времени» [55, с. 409–410].

Да, мир переживал гендерную революцию. Поэтому вполне закономерно в культурном пространстве появляются новые герои и героини времени, воплощавшие резкие трансформации гендерных ролей и становившиеся почти легендарными персонажами, шокирующими и притягательными. Самой «демонической» женщиной Петербурга в 1910-е годы считалась актриса, поэтесса, хозяйка литературного салона Паллада, урожденная Старынкевич; в замужествах также Пэджи-Кабеевская, Дерюжинская, Гросс, Богданова-Бельская. Мужья у нее сменялись за мужьями [49, с. 175]. Она могла «крутить любовь» и с сыном, и с отцом одновременно. Рассказывали о случае, когда в ее салоне «накопилось» шесть поклонников сразу. Разобравшись в ситуации, узнав друг про друга, они бежали из экзотической квартиры на Фонтанке, 126 [46, с. 389–390]. Л. В. Шапорина знала П. О. Богданову-Бельскую с 1910 года, встречала ее в артистическом подвале «Бродячая собака». «На том фоне, — вспоминала Л. В. Шапорина, — она была забавна, занята. Куртизанка, гетера, дочь генерала, более или менее обеспеченная, достаточно бескорыстная, остроумная, в ней был экзотический шарм <...> В первый же день знакомства с Сережей Позняковым она предложила ему сделаться ее любовником. “Вы будете 21-й”. Сережа, кажется, отказался (ему было 19 лет)” [53, с. 202].

Вечный «башенный постоялец» М. Кузмин в стихах о «Бродячей собаке» писал:

Да!.. Не забыта и Паллада
В титулованном кругу.
Словно древняя дриада, что резвится на лугу,
Ей любовь одна отрада,
И где надо и не надо
Не ответит, не ответит, не ответит «не могу»!

В романе М. Кузмина «Плавающие и путешествующие» (1915) Богданова-Бельская была выведена под именем П. А. Добролюбовой-Черпиховой, дурацкой «барыни» с пятьюдесятью шестью любовниками [Там же, с. 542].

В 1910-е годы другая дочь генерала, Александра Коллонтай, выступила как марксистский теоретик «свободной любви», глашатай «сексуальной революции» [12, с. 5]. Магическая женщина, до глубокой старости привлекавшая мужчин, в эпоху Серебряного века «демонстративно меняла любовников» [42, с. 533]. Еще до 1917 года она размышляла и писала о проблеме семьи и брака, свободы любви, освобождения ее от пут буржуазной морали. Семью и детей она считала главной обузой в борьбе за свободу и равноправие женщин [12, с. 82]. В 1914 году А. М. Коллонтай встретила в пансионате Берлина с юной артисткой, которая в 1910–1917 годах покоряла взыскательную публику на подмостках знаменитых театриков Петербурга — Петрограда: «Бродячей собаки», «Привала комедиантов», «Дома интермедий». «Казароза» был ее сценический псевдоним, и она относилась к себе, хотя и была замужем, к типу «новых холостых женщин». Быть таковой, по мнению марксистки А. М. Коллонтай, значило, «разумеется, не погоню за половой распущенностью, не в том “новое” и не в том “свобода”... Нет, это значило утверждение своего человеческого “я”, искание исхода своим творческим силам за пределами узко-отведенных женщине рамок — семьи». Обе они отвергали буржуазную мораль: «Мораль? Сексуальная мораль, которую навязывают нам женщинам? Верность “до гроба”, измена преступление, любовь для женщины “все”? И безграничная свобода для мужчин? Одно лицемерие» [25, с. 45–46].

В 1911–1915 годы в артистическом кабаре на Михайловской площади, в подвале «Бродячей собаки», в зале, рассчитанном на 30 человек, часто набивалось по 100. На эстраде один «номер» сменялся другим. Пела шутивно-минорные песенки Михаила Кузмина и камерные произведения Шуберта любимица Мейерхольда, «милая пташка певчая», «экзотическое существо» (А. Н. Бенуа)

Б. Г. Яковлева, во втором браке Волкова; сценический псевдоним Каза Роза (Казароза). Танцевала марионеточные танцы Ольга Судейкина, похожая лицом и нарядом на куколку XVIII века. Ее муж, «мэтр Судейкин», расписал своды подвала яркой росписью. Все любили «Собаку», где, по словам поэта-футуриста Василия Каменского, было «тесно, шумно и талантливо». Все здесь было проникнуто флиртом, любовью, «интимизмом», как говорили в эти «Аполлоно-Бродяче-Собацьи» годы [4, с. 333]. Здесь царили «вавилонские» нравы, когда изменами гордились, когда влюблялись прямо и перекрестно, на вечер и на неделю [40, с. 388]. В этом явственно проявлялась присущая Серебряному веку театральность: выставление напоказ острых перипетий «любовной игры» смешивалось с искренними порывами чувств. Стоит отметить, что такое сочетание было явственно созвучно творческим исканиям в театре, изобразительном искусстве, литературе, музыкальной культуре того времени. Это в свою очередь говорит о причудливом, но вполне органичном характере явления, соответствующем «пряному» настрою части художественной интеллигенции того времени.

Знаменитые петербургские «европийки нежные» (О. Мандельштам) поэтессы Анна Ахматова, Анна Радлова, Ирина Одоевцева, актриса Ольга Глебова-Судейкина, певицы и танцовщицы Бэла Казароза и Татьяна Адамович царили в салонах, окружали себя талантливыми мужчинами; вокруг них — смесь эротики и свобода духа, которая притягивала и возбуждала мужчин. Ольгу Судейкину, актрису, танцовщицу, художницу, обольстительницу, в которую были влюблены А. Блок, Ф. Сологуб, И. Северянин, Г. Иванов, называли «коломбиной десятых годов».

В модерне, с его декадансом и снятием многих «табу», чувственная ориентация сказывалась во всем. В этих салонах, клубах, кабаре завязывались и разворачивались романы. В них появлялись Николай Гумилев и Анна Ахматова — легендарная пара русской поэзии Серебряного века. Их брак, заключенный в 1910 году, был по любви, но счастливым не стал; слишком разными и знаменитыми были они. Не сблизило супругов и рождение в 1912

году сына, после чего они решили дать полную свободу и не интересоваться личной жизнью друг друга [1, с. 21]. Через месяц после рождения Льва актриса О. Н. Высотская родила Н. Гумилеву сына Ореста. Поэт заводил всевозможные любовные романы, заявлял: «Не ношу обручального кольца. Это оковы». С конца 1912 года Н. Гумилев и А. Ахматова фактически расстались. Только в августе 1918 года были оформлены бракоразводные документы. В его «донжуанском списке» значились О. Высотская, Т. Адомович, О. Арбенина, Л. Рейснер, И. Одоевцева; череда романов А. Ахматовой включала Б. Антреп, Н. Недоброво, А. Лурье, В. Шилейко [5]. Отчаянный сердцеед Н. С. Гумилев говорил своим ученицам: «Поэту необходима напряженная, разнообразная жизнь, полная борьбы, радостей и огорчений, взлетов и падений. Ну и, конечно, любви. Ведь любовь — главный источник стихов. Без любви и стихов не было бы» [41, с. 114].

В 1918 году, не успев развестись, Н. Гумилев сразу же женился на А. Н. Энгельгардт, А. Ахматова вышла замуж за В. К. Шилейко. Но и эти браки оказались крайне непрочными. А. Ахматова вскоре стала женой Н. Н. Пунина, хотя до конца своей жизни называла себя вдовой Н. С. Гумилева [13, с. 43].

Донжуанский список А. С. Пушкина, опубликованный в 1923 г. П. Губером, насчитывал 126 женщин [17, с. 25]. Тем самым можно сказать, что Серебряный век в этом смысле своеобразно продолжил традицию Золотого века русской культуры. Свои донжуанские списки в 1910-е годы составляли, кроме Н. Гумилева, И. Северянин, А. Блок, С. Есенин. Не отставали и женщины. А. А. Ахматова, которая на склоне жизни говорила, что знает о мужчинах все, во второй половине 1920-х годов составляла «донжуанский» список вместе с П. Лукницким [40, с. 60].

В. Я. Брюсов свой «донжуанский список» разбил на два раздела: «серьезные связи» и «случайные связи». В подробном списке (подобно пушкинскому) «Мои прекрасные дамы» он выделил семь групп: «Я ухаживал», «Меня любили», «Мы играли в любовь», «Не любя, мы были близки», «Мне казалось, что я люблю», «Я, может быть, люблю», «Я люблю»

[11, с. 44]. Имея десятки связей, которые часто протекали «на виду», Брюсов не хотел осложнять свою семейную жизнь, рвать отношения с женой. Вместе с тем пример Брюсова отчетливо показывает, насколько тонкими часто были самооценки в подобных «любовных коллизиях», что категорически не позволяет сводить их к банальным «интрижкам».

Сложнейшие отношения у А. А. Блока были с женой, актрисой труппы Мейерхольда. Летом 1913 года, находясь с ней в Париже, он писал в записную книжку: «Вечером — горькие мысли о будущем и 1001-й безмолвный разговор о том, чтобы разойтись» [9, с. 192–195]. Блок говорил, что у него было от ста до трехсот увлечений или случайных встреч. А рядом жена Любовь Менделеева — Царевна, Прекрасная дама. 29 мая 1916 года он писал: «У меня женщин не 100–200–300 (или больше?), а всего две: одна — Люба; другая — все остальные, и они — разные, и я разный» [20, с. 278]. Численный (количественный) состав всех этих донжуанских списков был весьма условным и легко корректируемым. В этом плане весьма показателен диалог С. Есенина с писателем Э. Кротким. Он слышал от поэта:

«Женщин триста у меня, поди, было?» — Собеседник не верил. «Ну, тридцать», — резко сбавил тогда Есенин. «И тридцати не было», — усомнился Кроткий. «Ну, — подумал Есенин. — Ну, десять». — «На этом, — вспоминал Эмиль Кроткий, — и помирись». — «Десять, пожалуй, было», — подвел черту и поэт...» [40, с. 292].

Современный писатель и публицист Р. У. Садулаев выдвинул собственную теорию про жизнь Есенина: «Вообще, жизнь человека, особенно поэта, измеряется не в годах, а в женщинах. Которых он любит. На примере жизни Есенина это особенно хорошо видно. У него каждая новая женщина — следующий этап жизни и порой даже творчества. А когда не получилось, то он бежал. Даже и физически» [36, с. 269].

Молодая поэтесса, дочь знаменитого фотографа Ида Наппельбаум в 1920–1922 годах занималась в Институте истории искусств —

в особняке В. П. Зубова, и вот как ей запомнилась обстановка. Были и голод, и холод, но «тут же были балы и маскарады». «А в культурной жизни Зубовского дворца царил хаос отношений, бури страстей, вспыхивали и гасли романы. Когда я пришла впервые в Институт, то сразу оказалась окруженной какими-то сложными ситуациями, недомолвками, условным, мне еще непонятным языком: “эробаза”, “свободная любовь”, “любовь — это стакан воды в жажду” и пр. Но это было общество старшей группы учащихся. Большинство из них молодые женщины. Среди учащихся был один талантливый юноша, общий фаворит, чувствовавший себя современным Казановой, его все звали Нума. У него была большая библиотека с книгами на определенную тему: “эробаза” <...>. Он стремился, чтобы его донжуанский список охватил наибольшее количество “прекрасных дам”. Мне кажется, он даже вел счет своим победам, намечал цель и шел к ней. Примечательно, что женщин это не смущало, не останавливало: “Пусть, мол, одна из..., но это так современно! Ревность — это отсталость, мещанство”».

«Я сразу окунулась в эту новую среду, — вспоминала Ида, — в общество молодежи старше и опытнее меня. Многие из женщин уже были замужем и умели привлекать к себе, знали, чем и как побеждать. Мне предстояло этому научиться или быть белой вороной: оставаясь здесь жить по-своему» [38, с. 49–50].

О нравах, которые царили в мире петроградской богемы в начале 1920-х годов, свидетельствует Л. П. Миклашевская. В 1920 году двадцатилетняя Л. П. Эйзенгардт вышла замуж за известного режиссера и театрального деятеля К. М. Миклашевского, переехала из Одессы в Петроград и окунулась в аристократическую богемную среду. Шефство над ней взяла гранд-дама, красавица, жена режиссера С. Э. Радлова Анна Дмитриевна. «У меня, — вспоминала Л. Миклашевская позднее, — волосы шевелились при этих доверительных беседах, но я делала вид, что ничему не удивляюсь, боялась показаться провинциальной». Рядом с ними жила В. М. Ходасевич, которая еще до революции училась живописи в Париже. Здесь она познакомилась и подружилась

с молодыми художниками А. С. Дидриком и И. Н. Ракитским. Последний стал ее любовником, а Дидрикс позднее — мужем. Но Ракитский никуда не ушел, а прижился в этой «семье», и они везде появлялись втроем [37, с. 117].

В годы нэпа в большой квартире Миклашевских один-два раза в месяц собирались гости, представители артистического мира. «Вина было много, комнат тоже было много. Охмелевшие гости разбредались преимущественно парами, и мимолетные флирты происходили почти на глазах» [Там же, с. 153]. Здесь сразу и не разберешь, кто, кому и с кем изменял. Грех шел рука об руку с покаянием, адюльтер — с молитвой. Фрейд и Маркс овладели умами художественной интеллигенции. Редактор философского словаря, академик Э. Л. Радлов определял коммунизм как учение, отрицающее частную собственность во имя людского блага. Первым рекомендовавшим коммунистический идеал был великий греческий философ Платон, который под понятие собственности подводил даже семью: «однако, общность жен, — сообщал в 1904 году словарь, — несомненно, повела бы к полному разложению общества» [48, с. 131].

Но после прихода к власти большевики один за другим приняли новые законы о семье и браке. Новый семейный кодекс «революционизировал» брак и серьезно ослаблял семью: брак и развод низводились до простой регистрации, да и она во многом теряла свое значение. Декрет о гражданском браке, заменявшем собою брак церковный, устанавливал равенство супругов и равенство внебрачных детей с детьми, родившимися в браке [44, с. 133]. Известный искусствовед А. Н. Бенуа 19 ноября 1917 г. записал в дневнике, что это вызвало растерянность среди простого народа. Он не понимал, «зачем большевикам понадобилось так с этим торопиться? Не от ощущения ли краткосрочности своего пребывания у власти? Или от “избытка творческого рвения”? Скорее всего, от легкомыслия» [7, с. 520].

Главным экспертом по семейно-сексуальным проблемам у большевиков была А. М. Коллонтай — народный комиссар госу-

дарственного призрения (т. е. социального обеспечения). В 1920 г. она возглавила женский отдел ЦК РКП(б) и женскую секцию Коминтерна. Рядом с ней в Советском правительстве работал нарком по морским делам П. Е. Дыбенко. Весной 1918 г. они публично в газете объявили, что сочетаются первым в республике гражданским советским браком. Пример всем: никаких регистраций, венчаний. Это была попытка осуществления нового «коммунистического брака», основанного на принципах свободы чувств, равенства полов и братства трудящихся [3, с. 358, 368]. На протяжении пяти лет (1917–1922) страна наблюдала за этим романом (П. Дыбенко был на семнадцать лет младше А. Коллонтай) и «передовой» семьей.

А. М. Коллонтай считала, что после революции надо на новых, коллективных началах организовать быт граждан: питание в общественных столовых, воспитание детей в детских садах и школах, а не в семьях, стирку в прачечных, уход за стариками в домах для престарелых и т. д. Брак в таких условиях — это брак без быта. Это и условие для становления настоящей любви между мужчиной и женщиной, свободной от «всякого привкуса материального расчета, выгоды» [28, с. 191]. Моральная проблема ее волновала: что положено женщинам в пролетарском государстве — семейное рабство и хомут или крылья вольной любви? А. М. Коллонтай в знаменитой статье «Дорогу крылатому Эросу» (1923) писала о трех основных принципах новых любовно-брачных отношений: равенство во взаимных отношениях; взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого; товарищеская чуткость, умение понять работу души любимого человека [26, с. 123]. Она утверждала, что «для классовых задач пролетариата совершенно безразлично, принимает ли любовь формы длительного оформленного союза или выражается в виде преходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви» [Там же, с. 122].

Дочь царского генерала и первая в истории России женщина-министр и женщина-посол, феминистка и марксистка, страстный борец за равноправие женщин, проповедница свободной любви, попечительница материн-

ства и разрушительница семьи А. М. Коллонтай, подводя итог своей жизни, писала: «Партия была моей семьей. Созвучие ума и души крепче уз родства. <...> Семейную жизнь и брак всегда ощущала как помеху моей главной цели: работе политической и писательской» [12, с. 546].

В 1921 г. она отмечала: «Коммунистическое общество предполагает такую крепость коллектива, которая исключает всякую возможность существования изолированной, замкнутой в себе семейной ячейки» [27, с. 32]. В 1920-е годы в советской России активно обсуждалась идея «свободной любви», пропагандировался «свободный секс». В ходе дискуссии даже в партийных кругах допускалась возможность полигамии. Член женотдела ЦК ВКП(б) П. А. Виноградская считала, что «многомужество» и «многоженство» могут иметь право на существование, если подобная организация семьи коммуниста не противоречила интересам советского государства [29, с. 114–115]. Тем самым делались попытки придать идее «свободных отношений» статус основополагающего принципа общественного уклада. Однако искусственность подобной «идеологии» приводила на практике к эксцентричным, нередко даже девиантным формам.

В эти годы широкую популярность получила идея свободы любви как доказательство освобождения от традиций буржуазной морали. «Теория стакана воды», приписываемая А. М. Коллонтай и К. Цеткин (в освобожденном пролетариате обществе удовлетворить половую потребность так же просто, как выпить стакан воды), от которой, по словам Ленина, «наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась...» [12, с. 224]. «Теория стакана воды» привела к заметному усилению сексуальной девиантности. Молва о том, что в коммуне «все будут спать под одним одеялом», что женщины станут «всеобщим достоянием трудового народа» в 1917–1922 годах волнами ходила по стране [19, с. 31–35]. Преступления на сексуальной почве становились все более массовыми. Всю страну потрясло «Чубаровское дело» 1926 года, когда несколько десятков рабочих ленинградских парней изнасиловали 19-летнюю крестьянскую девушку, приехав-

шую в город на учебу [34, с. 232].

Мемуаристы фиксировали в Москве в середине 1920-х годов группы совершенно голых молодых людей с лентами «Долой стыд!» через плечо. По некоторым данным, это общество организовали «музы футуризма» — пять сестер Синяковых, свободных нравов девиц [39, с. 538]. Вождь «Театрального Октября» В. Э. Мейерхольд в первый год НЭПа показывает в своем театре невиданное ранее зрелище — комедийную пьесу «Великодушный рогоносец» [32, с. 276]. Французская история со скабрёзным сюжетом о том, как муж в поисках любовника жены заставляет ее пропустить через спальню всех мужчин села. Эта пьеса с молодым Игорем Ильинским и Марией Бабановой завершилась появлением на сцене первого в России джаза, игравшего новую музыку. Успех «Рогоносца» был сногсшибательным. Первой актрисой революционного мейерхольдовского театра была красавица Зинаида Райх. До прихода к В. Э. Мейерхольду она четыре года прожила в браке с С. Есениным, родила от него двоих детей. О бурном романе Мейерхольда и Райх в начале 1920-х годов говорила вся Москва. Пьесу Ф. Кроммелинка в постановке театра Мейерхольда 5 января 1930 года (т. е. за четыре месяца до самоубийства) посетил и первый поэт республики В. В. Маяковский с Лилей и Осипом Бриками [10, с. 197].

В советско-нэповской России падение нравов в среде комсомольской и рабфаковской молодежи на почве «новых отношений полов» достигло огромных размеров. В 1930 году массовым тиражом был издан ЦК ВЛКСМ плакат художника К. П. Ротова, направленный против блуда в молодежной среде. Плакат назывался: «Долой безобразников по женской линии!». На нем гигантская рука некой дисциплинирующей силы зажимала в тиски кобелирующих личностей, пристающих к девушке. Подпись к плакату: «Парней-жеребцов зажем в дисциплине!» [30, с. 207].

В 1920-е годы страна жадно следила за своими кумирами, обсуждая их личную жизнь. М. И. Цветаева писала: «Изумительная осведомленность в личной жизни поэтов. Бальмонт поэт, многоженствует и блаженствует. Есенин тоже пьет, женится на старухе, потом на внуч-

ке старика, затем вешается. Белый расходится с женой... и тоже пьет, Ахматова влюбляется в Блока, расходится с Гумилевым и выходит замуж за — целый ряд вариантов... Блок не живет со своей женой, а Маяковский живет с чужой» [51, с. 323].

Умами и сердцами советской молодежи в 1920-е годы владели знаменитые поэты Сергей Есенин и Владимир Маяковский. Первый был совершенно никчемным семьянином, хотя к тридцати годам был четырежды женат и от трех жен имел детей. В. Маяковский, имея многочисленные любовные связи, с 1915 по 1930 год прожил в странной семье. Лиля Брик, та, которую поэт звал женой, жила вместе со своим мужем Осипом и не думала от него уходить. Вообще, жить семьей, быть женой в это время, когда титулы «жены» и «не жены» Бориса Пастернака раздавал сам Пастернак [24, с. 450], было не просто. П. Н. Лукницкий вспоминал, что дирижер Я. Я. Озолин 2 марта 1925 года за столом в разговоре о браке сказал: «С кем ты живешь, тот тебе и муж».

Еще 16-летней Лиля «страстно и навеки» влюбилась в Осипа Брика. Но в 1915 году в ее жизни появился поэт-футурист В. В. Маяковский. Отношениям жены с поэтом муж Осип не препятствовал. Они зажили втроем. Образовался любовный треугольник. Лиля была женой Осипа и любимой женщиной Маяковского. Троица жила вместе сначала в Петрограде, а потом в Москве. Формируя непривычные отношения, эти представители «авангардной» художественной интеллигенции пытались построить новую семью, свободную от ревности, предрассудков буржуазного общества с ее культом моногамной семьи. Они стремились разрушить (как и положено футуристам) представление о традиционной семье. В 1925 году Поль Моран, французский дипломат и журналист с русскими корнями, издал в Париже книгу о визите в Москву и о странном «супружеском картеле». Моран представил трех главных героев, в доме которых царил «порядок в обстановке и беспорядок в отношениях». По мнению А. Д. Радловой, которая познакомилась с книгой во Франции, в ней в карикатурном виде изображены Лиля, Маяковский и Осип Брик. «Карикатура на Лилю и ее

эротоманию и жажду покорять мужчин очень едкая» [43, с. 558].

В. Маяковский зарабатывал для «семьи» деньги и содержал всех, Осип был интеллектуальным лидером и теоретиком культуры, а Лиля выстраивала стратегию их совместной жизни. По ее мнению, каждый из трех членов «семьи» имел право на свободные любовные связи при условии их совместного проживания. Пусть каждый днем делает, что хочет, но вечера и ночи они должны проводить в общей квартире. В декабре 1925 г. Маяковский купил четырехкомнатную квартиру в Гендриковском переулке на Таганке. Он прописал там Лилю и Осипа. На входной двери вывеска: «Брик. Маяковский». Эта квартира стала «штабом» Лефа. Здесь, в «салоне Лили», по «вторникам» (в обычный день встреч) бывали В. Мейерхольд, С. Эйзенштейн, В. Жемчужный, Л. Кулешов, В. Шкловский, Б. Пастернак, Н. Асеев и другие деятели культуры.

Все трое романами занимались вне дома, поэтому «семья» не распадалась. Лилия зорко за этим следила. Летом 1927 г. В. В. Маяковский решил жениться на Н. Брюханенко. Они в то время были в Крыму, а Лилия в разгар своего романа с Л. Кулешовым пишет поэту из Москвы: «Володя! До меня доходят слухи, что ты собираешься жениться. Не делай этого. Мы все трое женаты друг на друге и нам жениться больше нельзя — грех» [56, с. 338].

Любовный треугольник (супружеская пара и третье лицо — любовник, любовница) — это всегда выбор, драма, а то и трагедия. В 1927 году молодой режиссер А. М. Роом снял фильм «Третья Мещанская», вошедший в золотой фонд мирового кино [2, с. 89]. В ленте была представлена «любовь втроем», когда двое мужчин живут с одной женщиной в московском полуподвале: муж, жена и любовник. Женщина не прячет, как бывает в традиционном адюльтере, от одного мужчины второго. Это единая семья, ведущая общее хозяйство. Писатель и киносценарист В. Б. Шкловский готовил этот сценарий в Крыму, живя рядом с В. Маяковским и Л. Брик (она была помощницей А. Роома). В это же время о подобном любовном треугольнике писала «Комсомольская правда».

Фильм А. Роома «Третья Мещанская» (подзаголовок «Любовь втроем») активно обсуждался и вызывал критику за «искажение действительности», т. к. «любовная проблема советской женщины разрешается в мещанско-порнографическом разрезе» [52, с. 522–530]. Запутавшись в отношениях с двумя мужчинами, родив ребенка, героиня уходит от них и решает продолжить жить по-другому, самостоятельно. Тему «любовного треугольника» А. Роом продолжил в фильме «Строгий юноша» по сценарию Ю. Олеши (1936). В нем грани такого «треугольника» составляли пожилой профессор (Ю. Юрьев), его красавица-жена (О. Жизнева) и молодой юноша-спортсмен (Д. Дорлиак). Отношения героев, по мысли создателей фильма, показывались в контексте некой «социалистической утопии», в том числе и в сфере лично-интимных отношений. Однако шли уже 1930-е годы. Неудивительно, что сразу после завершения фильм был запрещен к показу. Эта лента А. Роома завершается поцелуем юноши и женщины на мосту и ее благополучного возвращения в профессорский дом. Но не всегда все завершается так мирно. Впечатления от гармонически налаженного *ménage à trois* [семьи втроем. — В. Р., С. С.] часто были обманчивыми, а последствия — трагичными, несли в себе нешуточные, почти шекспировские страсти. Когда в апреле 1930 г. В. В. Маяковский застрелился в Москве, его Лилия, которой он посвятил практически всю свою любовную лирику, находилась вместе с О. М. Бриком в заграничной поездке. Вернувшись, она стала распорядительницей литературного наследия поэта и наследницей его имущества.

Анну Радлову, поэтессу и переводчицу, в 1920–1930-е годы сравнивали с Лилей Брик. Она была замужем за известным режиссером С. Э. Радловым. Красавица и умница, хозяйка известного в Ленинграде литературного салона, в мае — июне 1934 г. находилась в Москве с «Молодым театром», который привез в столицу спектакль «Ромео и Джульетта», поставленный С. Радловым в переводе А. Радловой. Известный литературный критик, князь Д. П. Святополк-Мирский писал 24 мая 1934 г. Д. Голтону: «Я переехал в центр города <...>»,

другая комната занята дамой, которая переводит Шекспира и является женой двух мужчин, один из которых мой старый друг, но сейчас он в отъезде, строит железную дорогу в Башкирии <...>. Ее другой муж дорог не строит, но ставит пьесы, только что поставил «Ромео и Джульетту» в ее переводе. Постановка очень хорошая. К счастью, она постоянно живет в Ленинграде и здесь — только по случаю постановки «Ромео и Джульетты» [Цит. по: 31, с. 224–225].

Искусствовед Э. Ф. Голлербах в 1939 году, разбирая эту историю, сообщал (все это происходило на его глазах), что «красивая, блестящая и талантливая Анна, оскорбленная частыми увлечениями своего мужа, решила дать ему отставку и завести себе другого». Этим другим стал инженер, близкий друг С. Э. Радлова (они вместе учились в Петербургском университете) Корнелий Покровский. «С первым мужем, — писал Э. Ф. Голлербах, — Анна сохранила не только дружбу, но и общий дом [в 1927 г. Радловы переехали к К. П. Покровскому по адресу ул. Чайковского, д. 16, кв. 7. — В. Р., С. С.]. Получился брак втроем, с виду довольно благополучный, а втайне — трагичный. Казалось любовь и счастье неразлучны с этим союзом. Но в прошлом году К. П. повесился...» [15, с. 317]. Корнелий Покровский покончил с собой в Москве 15 августа 1938 года, а в это время Анна и Сергей Радловы отдыхали в Сочи. А. Д. Радлова являлась средоточием страсти двух мужчин и отвечала обоим. Когда К. П. Покровского не стало, Радловы опять стали жить как супруги.

Очень многих в Советской России интересовала «Грасская ситуация» во Франции. В Грассе на съемной вилле «Бельведер» жил И. А. Бунин с женой. Здесь в 1927 г. в качестве «ученицы-писательницы», а фактически в качестве младшей жены (она была на тридцать лет моложе Нобелевского лауреата) поселилась поэтесса Галина Кузнецова [6, с. 166–168]. Классик, его жена Вера Николаевна и ученица врачались в своем «треугольнике» шестнадцать лет (примерно столько же, как и Л. Брик — В. Маяковский — О. Брик; А. Радлова — К. Покровский — С. Радлов). И. А. Бунин вел себя смело и даже шокирующе, нарушал и ломал привычные

законы морали и нравственности. Впрочем, это было в традиции Серебряного века. Чего стоило его решение поехать в Швецию (на церемонию вручения Нобелевской премии) втроем — с женой и любовницей. Грасская ситуация закончилась трагически: «Галю “увела у меня баба”». Г. Г. Кузнецова сделала выбор гендерной идентичности и ушла от И. А. Бунина к оперной певице Маргарите Степун [6, 182].

Надо отметить, что советская творческая элита жадно ловила отголоски жизни своих собратьев, оказавшихся после 1917 года за рубежом. Их интересовало все, включая любовные похождения. Э. Ф. Голлербах записал в своем дневнике в январе 1938 г., что к нему приходил художник В. В. Лебедев, интересно рассказывавший о проживающем в Париже живописце, художнике театра А. Е. Яковлеве. По его словам, он «неистовый сластолюбец, обожающий только солнце и женщин (“а все остальное — к черту!”), удачник, баловень фортуны. Он называл себя эллином, язычником. Любил и хлил свое тело, занимался спортом». Он всем нравился. «Женщины увлекались им с первого знакомства, он легко их покорял. Будучи весьма работоспособен в половом смысле, этот “проповедник фаллического культа” принципиально жил с 3–4 женщинами одновременно» [14]. Через четыре месяца после того, как в Ленинграде писались эти строчки, А. Е. Яковлев умер в Париже во время операции [35, с. 711].

В первые годы советской власти, как уже говорилось, предельно упростилась процедура развода, что серьезно ослабило институт брака. Многие легко, как тогда говорили, «сходились». Некоторые мужчины женились и разводились до 15 раз, бросая бывших жен с детьми [54, с. 225]. Через четыре брака прошел советский классик А. Н. Толстой. «Красный граф» говорил М. Булгакову: «Жен надо менять, батенька. Менять. Чтоб быть писателем, надо три раза жениться» [39, с. 218]. Именно так было в жизни М. А. Булгакова [6, с. 231]. Родилось даже кокетливое выражение по этому поводу. Так, известный искусствовед Э. Ф. Голлербах говорил с иронией, что в течение десяти лет трижды «менял декорации» и окончательно женился только в 1928 году. Среди творческой интеллигенции нередки

были случаи существования «параллельных» семей, когда у мужчин складывались две (а иногда и больше) официально не оформленных семьи. Известный советский композитор, педагог, музыкально-общественный деятель Ю. А. Шапорин в 1914 году заключил брак с Любовью Васильевной Яковлевой. Супружеская жизнь, несмотря на рождение двух детей, не заладилась. Любовь Васильевна организовала в Петрограде первый в советской России театр марионеток, ставила в нем спектакли, а муж работал в Петрозаводске с частью труппы бывшего Александринского театра, дирижировал здесь симфоническим оркестром, иногда наезжал домой. В Карелии у него образовалась вторая семья. В 1929 году композитор жену с детьми поселил в Детском Селе, а сам в основном пребывал в ленинградской квартире или надолго уезжал в Подмосковье (в Клин), где у него вскоре возникла уже другая семья, в которой в 1934 году родился сын. Развод они так и не оформили. Мы согласны с суждением В. Н. Сажина, что, видимо, сам Ю. А. Шапорин не делал этого по безалаберности (хотя впоследствии это привело к обвинению его в двоеженстве), а Л. В. Шапориной положение жены известного советского композитора помогало решить какие-то материальные, житейские проблемы [53, с. 15]. Об обстановке и нравах, которые царили в доме Шапориных, в этом русском «Веймаре» в Детском Селе, свидетельствуют именины (30 сентября 1932 г.) Любви Васильевны. «Были все люди, в любви или расположении которых мне не приходится сомневаться, — записала она в дневнике. — Вечер закончился совсем как во французских романах: одна из дам уехала на свидание с мужем другой (с вedomо жены), которая, в свою очередь, отправилась тоже на свидание, я же должна говорить, что она ночует у меня, “*faut que jeunesse se passe*” [«Молодо-зелено — погулять велено» (с фр.) — В. Р., С. С.] — говорила я им» [Там же, с. 125].

С середины 30-х годов в СССР наметился возврат к патриархальным моральным ценностям, ужесточилось семейное законодательство с целью повышения рождаемости и укрепления брака. После демографической катастрофы 1914–1922 годов, голодомора страна встала на путь индустриального развития, а впереди ждала страшная Вторая мировая война.

Обобщая изложенное, целесообразно отметить некоторые существенные обстоятельства. Приведенные выше случаи связаны с неповторимыми судьбами уникальных людей, входивших в круги творческой интеллигенции. Вместе с тем причудливые ситуации их лично-интимных отношений закономерно обуславливались социокультурными контекстами реального исторического времени. То, что считалось неподобающим для большинства, представители «богеми» полагали для себя вполне допустимым. Более того, в ситуациях подобных любовных «многоугольников» и иных вариантов полигамии усматривалось получение особо ценных для творчества впечатлений, подпитка своего рода энергией. «Особость» творческого меньшинства — принцип исторически укорененный. Однако его осуществление нередко приводило к «трещинам» и «разрывам» в естественных личных отношениях. Это вполне закономерно: будучи в одних отношениях «особыми», люди элиты и богемы оставались включенными в другие контексты, более привычные. И всякий раз «творческая личность» оказывалась перед выбором: следовать ли привычному укладу или идти на «эксперимент», поддаваясь порыву страсти. Время первой трети XX века, с его ломкой привычных устоев, ростом культурной динамики и «нервным» темпоритмом жизни как нельзя более способствовало такого рода экспериментаторству, что и подтверждается представленными в данном тексте материалами.

Список литературы

1. Алексеева, А. И. Красно-белый роман. Николай Гумилев и его музы Анна Ахматова и Лариса Рейснер / А. И. Алексеева. — Москва : Родина, 2021.
2. Анненков, Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. / Ю. Анненков. — Москва, 1991.

3. Ашукин, Н. С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. — Москва : Правда, 1986.
4. Бабенко, В. Г. Музы русской литературы / В. Г. Бабенко. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. — 344 с.
5. Бенуа, А. Н. Дневник. 1916–1918 / А. Н. Бенуа. — Москва : Захаров, 2016. — 728 с.
6. Бердяев, Н. А. Метафизика пола и любви / Н. А. Бердяев // Русский Эрос, или Философия любви в России. — Москва, 1991.
7. Блок, А. А. Записные книжки. 1901–1920 / А. А. Блок. — Москва, 1965.
8. Брик, Л. Ю. Пристрастные рассказы. Воспоминания, дневники, письма / Л. Ю. Брик. — Нижний Новгород, 2003. — 328 с.
9. Брюсов Валерий. Петровская Нина. Переписка: 1904–1913 / вступ. статьи, подгот. текста и комментарии Н. А. Богомолова, А. В. Лаврова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2004. — 776 с.
10. Ваксберг, А. И. Валькирия Революции : роман / А. И. Ваксберг. — Москва : Олимп, Русич, 1997.
11. Васильева, Л. Н. Королева без королевства / Л. Н. Васильева // Наука и религия. — 2015. — № 11.
12. Голлербах, Э. Ф. Дневник 1935–1941 гг. Хранятся у внука Е. А. Голлербаха.
13. Голлербах, Э. Встречи и впечатления / составл., текст, комментарии Евгения Голлербаха / Э. Голлербах. — Санкт-Петербург : Инапресс, 1998.
14. Голод, С. И. XX век и тенденция сексуальных отношений в России / С. И. Голод. — Санкт-Петербург, 1996.
15. Губер, П. К. Дон-Жуанский список Пушкина. Главы из биографии / П. К. Губер. — Петербург : Петроград, 1923. — 279 с.
16. Демин, В. Н. Андрей Белый / В. Н. Демин. — Москва : Молодая гвардия, 2007.
17. Дорохина, О. После 18-летнего возраста всякая девушка объявляется государственной собственностью (Стратегия социалистических преобразований семьи после 1917 года) / О. Дорохина // Родина. — 2011. — № 1.
18. Жегалин, М. Бражники и блудницы. Как жили, любили и умирали поэты Серебряного века / М. Жегалин. — Москва : Individuum ; Эксмо, 2025. — 368 с.
19. Женщина модерна: Гендер в русской литературе 1890–1930-х годов: колл. мон. / под ред. В. Б. Зуевой-Озкон. — Москва : Новое литературное обозрение, 2022.
20. Зоркая, Н. Брак втроем — советское версия. «Третья мещанская», режиссер Абрам Ромм / Н. Зоркая // Искусство кино. — 1997. — № 5.
21. Иконников-Галицкий, А. А. Сожженные революции. — Санкт-Петербург, 2019. — 490 с.
22. Казароза : сб. памяти Б. Г. Казароза-Волковой. — Москва, 1930.
23. Кардопольцева, В. Н. Женщина и женственность в русской культуре. — Москва, Екатеринбург, 2005.
24. Катаева, Т. Другой Пастернак: Личная жизнь. Темы и вариации / Т. Катаева. — Минск : Современный литератор, 2009. — 604 с.
25. Киселева, Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии / Т. Г. Киселева. — Москва : МГУКИ, 2002.
26. Коллонтай, А. Дорогу крылатому Эросу / А. Коллонтай // Молодая гвардия. — 1923. — № 3.
27. Коллонтай, А. М. Проституция и меры борьбы с ней / А. М. Коллонтай. — Москва, 1921.
28. Коллонтай, А. М. Труд женщины в эволюции народного хозяйства / А. М. Коллонтай. — Москва ; Петроград, 1923.
29. Коммунистическая мораль и семейные отношения. — Ленинград, 1926.
30. Кротков, А. Карикатура / А. Кротков. — Москва, 2015.

31. Кузмин, М. Дневник 1934 года / М. Кузмин. — Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха. — 418 с.
32. Кушниров, М. А. Мейерхольд: Драма красного Карабаса / М. А. Кушниров. — Москва : Молодая гвардия, 2018. — 380 с.
33. Лебедева, В. Г. Судьбы массовой культуры России. Вторая половина XIX — первая треть XX века / В. Г. Лебедева. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — 356.
34. Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — 488 с.
35. Лейкинд, О. Л. Художники русского зарубежья: Первая и вторая волна эмиграции: Биографический словарь: в 2 т. / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. — Санкт-Петербург : Мирф, 2019. — 852 с.
36. Литературная матрица: учебник, написанный писателями. XX век: сборник. — Санкт-Петербург, 2021. — С. 269.
37. Миклашевская, Л. Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век / Л. Миклашевская, Н. Катерли ; вступ. статья Л. А. Гордина. — Санкт-Петербург : Звезда, 2007. — 672 с.
38. Наппельбаум, И. М. Тоныч — граф Валентин Платонович Зубов / И. М. Наппельбаум // Российский институт истории искусств в мемуарах / под общей редакцией И. В. Сэнман. — Санкт-Петербург, 2003. — 303 с.
39. Недошивин, В. М. Литературная Москва. Дома и судьбы, события и тайны / В. М. Недошивин. — Москва : АСТ, 2021. — 608 с.
40. Недошивин, В. М. Прогулки по Серебряному веку / В. М. Недошивин. — Санкт-Петербург, Москва, 2010.
41. Одоевцева, И. В. На берегах Невы: Литературные мемуары / И. В. Одоевцева. — Москва : Худож. лит., 1988. — 334 с.
42. Пономарева, В. В. Женщина в семье и обществе / В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова // Очерки русской культуры. Конец XIX — начало XX века. Т. 2. Москва, 2012.
43. Радлова, А. Путешествия по Франции. 1925. Публ. К. Н. Левиной и А. Л. Дмитриенко / А. Радлова // Минувшее. Ист. альманах. — 1993. — Москва; Санкт-Петербург, 1998.
44. Рогозний, П. Г. Гражданский брак, развод и революция: Конец семейного насилия или разложение семьи / П. Г. Рогозний // Петербургский исторический журнал. — 2021. — № 3.
45. Розанов, В. В. Религия и культура / В. В. Розанов. — Т. 1. — Москва, 1990.
46. Серебряный век русской поэзии. — Москва, 2013.
47. Фатыхов, С. Г. Мировая история женщины. Хроно-культурологическое и фактографическое осмысление. — Екатеринбург, 2008. — С. 679.
48. Философский словарь / под ред. Э. Л. Радлова. — Санкт-Петербург, 1904. — 284 с.
49. Фокин, П. Серебряный век. Портретная галерея культурных героев рубежа XIX–XX веков: в 3 т. Т. 1 / П. Фокин, С. Князева. — Санкт-Петербург : Амфора, 2007.
50. Хренов, Н. А. «Человек играющий» в русской культуре / Н. А. Хренов. — Санкт-Петербург, 2005.
51. Цветаева, М. И. Поэт о критике / М. И. Цветаева // Об искусстве / М. И. Цветаева. — Москва, 1991. — С. 323.
52. Шабатура (Кабанова). Повседневность нового общества: генеральный аспект // Российская повседневность в зеркале гендерного отношения: сборник статей / отв. ред. и сост. Н. Л. Пушкарёва. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013.
53. Шапорина, Л. В. Дневник. Т. 1. / Л. В. Шапорина / вступ. ст. В. Н. Санина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 592 с.

54. Энгель, Б. Женщины в России. 1700–2000 / Б. Энгель ; пер. с англ. О. Полей. — Санкт-Петербург : Academic Studies Press, 2023. — 423 с.
55. Энгельштейн, Л. Ключи счастья : секс и поиски обновления России на рубеже XIX и XX веков / Л. Энгельштейн ; пер. с англ. В. Павлова. — Москва : ТЕРРА, 1996. — 572 с.
56. Янгфельдт, Б. Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг / Б. Янгфельдт. — Москва : АСТ : CORPUS, 2016. — 528 с.

Получено 30.04.2026

References

1. Alekseeva A. I. 2021. Krasno-belyi roman. Nikolai Gumilev i ego muzy Anna Akhmatova i Larisa Reisner [The Red-and-White Novel. Nikolai Gumilyov and His Muses Anna Akhmatova and Larisa Reisner]. Moscow: Rodina.
2. Annenkov Yu. 1991. Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii: v 2 t. [Diary of My Meetings. A Cycle of Tragedies: in 2 volumes]. Moscow.
3. Ashukin N. S., Ashukina M. G. 1986. Krylatye slova. Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazheniya [Catchphrases. Literary Quotations. Figurative Expressions]. Moscow: Pravda.
4. Babenko V. G. 2010. Muzy russkoi literatury [Muses of Russian Literature]. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 344 p.
5. Benois A. N. 2016. Dnevnik. 1916–1918 [Diary. 1916–1918]. Moscow: Zakharov. 728 p.
6. Berdyaev N. A. 1991. Metaphysics of sex and love. *Russkii Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow.
7. Blok A. A. 1965. Zapisnye knizhki. 1901–1920 [Notebooks. 1901–1920]. Moscow.
8. Brik L. Yu. 2003. Pristrastnye rasskazy. Vospominaniya, dnevniki, pis'ma [Biased stories. Memoirs, diaries, letters]. Nizhny Novgorod. 328 p.
9. Bryusov Valerii. Petrovskaya Nina. Perepiska: 1904–1913 [Bryusov Valery. Petrovskaya Nina. Correspondence: 1904–1913]. 2004. Moscow: New Literary Review. 776 p.
10. Vaksberg A. I. 1997. Val'kiriya Revolyutsii: roman [Valkyrie of the Revolution: a novel]. Moscow: Olympus, Rusich.
11. Vasilyeva L. N. 2015. Queen without a kingdom. *Nauka i religiya* [Science and religion]. No 11.
12. Hollerbach E. F. Dnevnik 1935–1941 gg. [Diary 1935–1941]. Kept by the grandson of E. A. Gollerbach.
13. Gollerbach E. 1998. Vstrechi i vpechatleniya [Meetings and Impressions]. St. Petersburg: Inapress.
14. Golod S. I. 1996. XX vek i tendentsiya seksual'nykh otnoshenii v Rossii [The 20th Century and the Trend of Sexual Relations in Russia]. St. Petersburg.
15. Guber P. K. 1923. Don-Zhuanskii spisok Pushkina. Glavy iz biografii [Pushkin's Don Juan List. Chapters from the Biography]. St. Petersburg: Petrograd. 279 p.
16. Demin V. N. 2007. Andrei Belyi [Andrei Bely]. Moscow: Molodaya Gvardiya.
17. Dorokhina O. 2011. After the Age of 18, Every Girl Is Declared State Property (The Strategy of Socialist Transformations of the Family After 1917). *Rodina* [Homeland]. No 1.
18. Zhegalin M. 2025. Brazhniki i bludnitsy. Kak zhili, lyubili i umirali poety Serebryanogo veka [Drunkards and Harlots. How the Poets of the Silver Age Lived, Loved, and Died]. Moscow: Individuum; Eksmo. 368 p.
19. Zueva-Ozkon V. B. [ed]. 2022. Zhenshchina moderna: Gender v russkoi literature 1890–1930-kh godov: koll. mon. [Woman of Modernism: Gender in Russian Literature of the 1890s–1930s: Collected Works]. Moscow: New Literary Review.
20. Zorkaya N. 1997. Marriage of Three — the Soviet Version. "The Third Bourgeois," directed by Abram Romm. *Iskusstvo kino* [Art of Cinema]. No 5.
21. Ikonnikov-Galitsky A. A. 2019. Sozhzhennye revolyutsii [Burnt Revolutions]. St. Petersburg. 490 p.
22. Kardopoltseva V. N. 2005. Zhenshchina i zhenstvennost' v russkoi kul'ture [Woman and Femininity in Russian Culture]. Moscow. Yekaterinburg.
23. Kataeva T. 2009. Drugoi Pasternak: Lichnaya zhizn'. Temy i variatsii [Another Pasternak: Personal Life. Themes and Variations]. Minsk: Sovremennyy Literator. 604 p.

24. Kiseleva T. G. 2002. Zhenskii obraz v sotsiokul'turnoi refleksii [The Female Image in Sociocultural Reflection]. Moscow: MGUKI.
25. Kazaroza: Sbornik pamyati B. G. Kazaroza-Volkovo [Kazaroza: collection in memory of B. G. Kazaroza-Volkova]. 1930. Moscow.
26. Kollontai A. 1923. Make Way for Winged Eros. *Molodaya Gvardiya* [Young Guard]. No 3.
27. Kollontai A. M. Prostitutsiya i mery bor'by s nei [Prostitution and Measures to Combat It]. 1921. Moscow.
28. Kollontai A. M. 1923. Trud zhenshchiny v evolyutsii narodnogo khozyaistva [Women's work in the evolution of the national economy]. Moscow ; Petrograd.
29. Kommunisticheskaya moral' i semeinye otnosheniya [Communist morality and family relations]. 1926. Leningrad.
30. Krotkov A. 2015. Karikatura [Caricature]. Moscow.
31. Kuzmin M. Dnevnik 1934 goda [Diary of 1934]. St. Petersburg: Publishing house of Ivan Limbach. 418 p.
32. Kushnirov M. A. 2018. Meierkhol'd: Drama krasnogo Karabasa [Meyerhold: The Drama of Red Karabas]. Moscow: Young Guard. 380 p.
33. Lebedeva V. G. 2007. Sud'by massovoi kul'tury Rossii. Vtoraya polovina XIX — pervaya tret' XX veka [The fate of mass culture in Russia. The second half of the 19th — first third of the 20th century]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 356 p.
34. Leбина N. 2015. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilу [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to the Grand Style]. Moscow: New Literary Review. 488 p.
35. Leykind O. L., Makhrov K. V., Severyukhin D. Ya. 2019. Khudozhniki russkogo zarubezh'ya: Pervaya i vtoraya volna emigratsii: Biograficheskii slovar': v 2 t. [Artists of the Russian Diaspora: The First and Second Waves of Emigration: A Biographical Dictionary: in 2 volumes]. St. Petersburg: Mir. 852 p.
36. Literaturnaya matritsa: uchebnik, napisannyi pisatelyami. XX vek: sbornik [Literary Matrix: A Textbook Written by Writers. The 20th Century: Collection]. 2021. St. Petersburg. P. 269.
37. Miklashevskaya L., Katerli N. 2007. Chemu svideteli my byli. Zhenskie sud'by. XX vek [What We Were Witnesses. Women's Fates. 20th Century]. St. Petersburg: Zvezda. 672 p.
38. Nappelbaum I. M. 2003. Tonych — Count Valentin Platonovich Zubov. *Rossiiskii institut istorii iskusstv v memuarakh* [Russian Institute of Art History in Memoirs]. St. Petersburg. 303 p.
39. Nedoshivin V. M. 2021. Literaturnaya Moskva. Doma i sud'by, sobytiya i tainy [Literary Moscow. Houses and Fates, Events and Secrets]. Moscow: AST. 608 p.
40. Nedoshivin V. M. 2010. Progulki po Serebryanomu veku [Walks through the Silver Age]. St. Petersburg, Moscow.
41. Odoevtseva I. V. 1988. Na beregakh Nevy: Literaturnye memuary [On the Banks of the Neva: Literary Memoirs]. Moscow: Art. Literature. 334 p.
42. Ponomareva V. V., Khoroshilova L. B. 2012. Woman in the Family and Society. *Ocherki russkoi kul'tury. Konets XIX — nachalo XX veka* [Essays on Russian Culture. Late 19th — Early 20th Century. Vol. 2]. Moscow.
43. Radlova A. 1993. Travels in France. Minuvshee. Istoricheskii al'manakh. [The Past. Historical almanac]. Moscow; St. Petersburg, 1998.
44. Rogozny, P. G. 2021. Civil Marriage, Divorce, and Revolution: The End of Domestic Violence or the Disintegration of the Family. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal]. No 3.
45. Rozanov V. V. 1990. Religiya i kul'tura. T. 1. [Religion and Culture. Vol. 1]. Moscow.
46. Serebryanyi vek russkoi poezii [Silver Age of Russian Poetry]. 2013. Moscow.
47. Fatykhov S. G. 2008. Mirovaya istoriya zhenshchiny. Khrono-kul'turologicheskoe i faktograficheskoe osmyslenie [World History of Women. Chrono-cultural and factual comprehension]. Yekaterinburg. P. 679.
48. Radlova E. L. [ed]. 1904. Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary]. St. Petersburg. 284 p.
49. Fokin P., Knyazeva S. 2007. Serebryanyi vek. Portretnaya galereya kul'turnykh geroev rubezha

- XIX – XX vekov: v 3 t. T. 1 [Silver Age. Portrait Gallery of Cultural Heroes of the Turn of the Twentieth Century: in 3 volumes. Vol. 1]. St. Petersburg: Amphora.
50. Khrenov N. A. 2005. «Chelovek igrayushchii» v russkoi kul'ture [“The Playing Man” in Russian Culture]. St. Petersburg.
51. Tsvetaeva M. I. 1991. The Poet on Criticism. *Ob iskusstve [About Art]*. Moscow. P. 323.
52. Shabatura (Kabanova). Everyday Life of the New Society: General Aspect. 2013. *Rossiiskaya povsednevnost' v zerkale gendernogo otnosheniya: sbornik statei [Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations: A Collection of Articles]*. Moscow: Novoye Literary Observer.
53. Shaporina L. V. 2012. Dnevnik. T. 1. [Diary. Vol. 1]. Moscow: Novoye Literary Observer. 592 p.
54. Engel B. 2023. Zhenshchiny v Rossii. 1700–2000 [Women in Russia. 1700–2000] Translated from English by O. Poleya. St. Petersburg: Academic Studies Press. 423 p.
55. Engelstein L. 1996. *Klyuchi schast'ya : seks i poiski obnovleniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov [The Keys to Happiness: Sex and the Search for Renewal in Russia at the Turn of the 20th Century]*. Translated from English by V. Pavlova. Moscow: TERRA.
56. Yangfeldt B. 2016. Stavka — zhizn'. Vladimir Mayakovskii i ego krug [The Bid is Life. Vladimir Mayakovsky and His Circle]. Moscow: AST: CORPUS, 528 p.

Received 30.04.2026